

УДК 1(091)

А.А. ЗИНОВЬЕВ КАК ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТ

В.Ю. Даренский

Луганский государственный педагогический университет, г. Луганск, ЛНР
e-mail: darenskiy1972@rambler.ru

В статье рассматриваются аспекты философского мышления А.А. Зиновьева, которые роднят его с экзистенциализмом: человек как проект, первичность существования по отношению к сущности; императив становления личностью; социальность как сфера отчужденного бытия; неизбывное одиночество человека; Бог как Другой и как изначальный образец личностного бытия. Выделена стилистическая специфика экзистенциального философствования А.А. Зиновьева и её христианские архетипы.

Ключевые слова: А.А. Зиновьев, экзистенциализм, личность, свобода, судьба.

---

*Я ученый, хотя это и звучит у нас смешно.
А.А. Зиновьев*

Мышлению и творчеству А.А. Зиновьева было свойственно парадоксальное сочетание двух противоположных стилей – строго логического и сциентистского, с одной стороны, и душевно-исповедального, экзистенциального – с другой. Эти два стиля могли быть четко разведены по разным книгам – работы по логике воплощали первый из них, а социальные романы – второй (особенно в их стихотворных текстах). В книгах по социальной философии эти два стиля органически сочетаются как анализ и конкретная феноменология социальных явлений. Вместе с тем, экзистенциальный компонент философии А.А. Зиновьева до сих пор почти не исследовался. Практически единственной работой в этом направлении остается статья А.А. Гусейнова «Учение о житии Александра Зиновьева». В данной статье будет дан краткий анализ основных компонентов экзистенциальной философии А.А. Зиновьева, её проблемно-тематической специфики и личностной мировоззренческой ориентации.

А.А. Зиновьев сформулировал для себя систему правил поведения («правил жития»), которую уже его ученики называли в шутку «зиновьёгой». Некоторые её элементы были изложены в его книгах

«В преддверии рая», «Евангелие для Ивана», «Живи» и «Иди на Голгофу». В последней сам автор назвал её лаптизмом, или иванизмом, по имени его героя Ивана Лаптева. Во всем этом есть доля иронии и самоиронии, однако это всего лишь маска, под которой скрывается реальная напряженность экзистенциального философствования А.А. Зиновьев. В той специфической социокультурной среде сначала позднесоветского строя, а затем вынужденной эмиграции, такая «маска» была естественной формой мысли, сливаясь с нею почти до неразличимости. Такая форма мысли возникла в силу вполне объективных обстоятельств: с одной стороны, отрыв от мировой философской и религиозной традиций, замкнутость в искусственном мирке советской идеологии; с другой – неизбывная русская душа и вечные «русские вопросы». Ответы на них в литературно-философской форме и должны были неизбежно принимать такую отчасти игровую форму, которая соответствовала способу мысли: когда, с одной стороны, нужно переоткрывать для себя «вечные» истины, а с другой – все они оказываются «относительными», поскольку даны только в индивидуальном опыте и от него неотделимы. В целом такой тип мысли был настоящим интеллектуальным и нравственным подвигом, суть которого хорошо сформулировал А.А. Гусейнов: «Учение о житии есть учение о том, как быть личностью. Как быть личностью не тогда, когда ты занимаешь привилегированное положение в обществе, имеешь слуг, живешь в собственном доме, тебя охраняет полиция и т. д. А тогда, когда у тебя ничего этого нет. Как быть личностью, несмотря ни на что... Зиновьев показал, что если можно быть личностью в условиях оргии коллективизма и коммунальности, то это значит, что ею может быть любой и всегда. И кто из либералов, какой Поппер, Хайек, Фридмен подняли идею личности на такую высоту..?» [1, с. 358]. «Экзистенциализм» А.А. Зиновьева – это философия человека, который просыпается от сна «социального автоматизма» и начинает впервые осмысливать мир и самого себя в мире – так, как будто до него еще никто этого не делал и нужно все начинать «с нуля». Это уникальная позднесоветская культурная ситуация.

А.А. Гусейнов справедливо отметил и смысловой исток этой особой, героической «философии личности» А.А. Зиновьева и её соотнесенность с его социальной философией: «На базе законов

социальности и в пространстве их действия нет места ни для человеческой свободы, ни для морали. И то и другое возникли только, во-первых, как индивидуальный способ существования, во-вторых, за пределами социальности, как уклонение от ее законов. На этих предпосылках и строится учение о житии... он создает идеальное общество в самом себе, чтобы вырваться из-под гнета общества, и он может это делать, оставаясь в обществе и через его посредство. Можно сказать так: законы социальности содержат в себе возможность морали в отрицательном смысле, т. е. в том смысле, что последняя возможна только как их отрицание» [1, с. 355-356]. Именно такова внутренняя логика философии А.А. Зиновьева: жесткие и неумолимые «внешние» законы социальности не оставляют места для человеческой личности, по сути, превращая её в «социальный автомат». Но ведь сам человек не исчезает и всё равно стремится к осуществлению себя как личности в свободе и любви – т. е. в тех измерениях, которые уничтожаются «железными» законами социальной жизни? Что же остается в таком случае? Остается – построить *иной* мир в самом себе, в котором будет место и для свободы, и для любви. Но как это сделать?

Как пишет А.А. Гусейнов, у А.А. Зиновьева «учение о житии предназначено не для того, чтобы плохой мир сделать хорошим или опереться в мире на хорошее, избегая плохого, а для того, чтобы уклониться от мира, оставаясь в нем со всей его грязью... Сама исходная диспозиция учения о житии предполагает, что добро делается через зло, и в этом смысле выводит за рамки этой противоположности, по крайней мере в ее традиционном толковании, когда одно начисто отделяется от другого... Поэтому логическая противоречивость становится нормой учения: «Будь терпим – потому сопротивляйся насилию. Если видишь, что борьба бесполезна, сражайся с удвоенной силой. Иди к людям – и потому будь один... Имей все – и потому отдай все. Смиряться, бунтуя. Бунтуй, смиряясь. Короче говоря, на каждый принцип есть противоречащий ему, через который он и осуществляется» [1, с. 353]. Приведенные «заповеди» «зиновьюги» парадоксальны и напоминают коаны или притчи восточной философии. Однако это явно не стилизация, а выстраданный опыт. С одной стороны, здесь зафиксирована объективная диалектика сложности социальных связей, вследствие которой мы не знаем заранее полного результата своих действий, и

поэтому должны делать то, что возможно в данный момент, исходя из благих мотивов. Но с другой стороны, что более важно в данном случае, А.А. Зиновьев утверждает в этих «заповедях» тот факт, что результат действия можно получить только тогда, когда мы действуем наперекор социальным стереотипам. Казалось бы, обыденный опыт говорит нам как раз обратное – что эффективны только проверенные и общепризнанные действия – но это эффективность только на уровне обыденного опыта и не более того. Но А.А. Зиновьев в данном случае говорит как раз не об обыденном опыте, а о том, что выходит за его рамки – о законах становления личности, которое возможно только *вопреки* обыденности правил.

Именно в этом аспекте мышление А.А. Зиновьева максимально близко главному принципу экзистенциализма. Как отмечал известный историк философии Э.Ю. Соловьев, «экзистенциалисты хотят сказать, что человек просто не в силах существовать, не посвящая чему-то свою жизнь». Такова его фундаментальная предрасположенность, первичная по отношению к наличию любых целеуказаний. И обнажается-то она именно тогда, когда все социально устойчивые ценности рушатся, когда человек ищет для себя достойное бремя, как ищут хлеб насущный... «Желать безусловного, стремиться посвятить себя безусловному» – в этом согласно экзистенциализму, состоит трансцендентальная структура человеческого «Я». Осознавая свою бренность, человек устремляется к вечному..., к надвременной значимости безусловного переживания» [6, с. 297]. Именно такова и главная интенция заповедей «зиновьюги». В соответствии с главным принципом экзистенциализма (человек есть проект, поэтому его сущность определяется существованием), А.А. Зиновьев искал тот предмет, которому человек должен посвятить свою жизнь, чтобы стать личностью. Этим предметом, в конечном счете, оказалось создание личностного мира, который основан на нравственных принципах, а не на социальном автоматизме. Таким парадоксальным образом «учение о житии Зиновьева продолжает и дополняет его социологию. Без него последняя была бы беспросветной. Более того, в индивидуальном жизненном замысле Зиновьева, по его собственному признанию, сама социология была разработана для того, чтобы выработать адекватное учение о житии... Таким же является и их объективное соотношение между собой. И если верно, что учение о

житии находит свою негативную обоснованность в социологии, то еще более верно, что социология Зиновьева может быть адекватно понята и разумно осмыслена только с учетом и в свете его учения о житии» [1, с. 356].

В этом отношении экзистенциализм А.А. Зиновьева фактически христианскую модель личностного бытия, но без обращения к христианству. Заповедь «Царствие Божие внутри вас есть» (Лк 17:21) реализуется у А.А. Зиновьева без Христа, однако не без обращения ко Христу и Евангелию как историческим образам. В его книге «Иди на Голгофу» есть главка «Суть христианской революции», в которой он писал: Христос «оставлял совершенно без внимания данный ему мир (он не нарушал законы его!), но изобретал такой новый разрез жизни в рамках этого мира, который означал максимально глубокую революцию в образе жизни людей. Он изобретал новый мир для людей! Конечно, он должен был считаться с обстоятельствами, должен был как-то приспособливаться, должен был описывать изобретаемый им Новый Мир в терминах и образах тогдашней религии и идеологии. Это естественно. Это повлияло на историческую форму его Великого Открытия. Но суть его открытия, повторяю, очевидна. Люди! Не ждите ничего! Не надейтесь ни на кого! Все дело в вас самих! Царство Божие (новый поворот жизни) уже здесь, я пришел установить его. Оно в вас. Изменим ориентацию смысла жизни в себе, и мир пойдет иным путем! Но и мы живем в условиях господства определенной идеологии. Так что, реконструируя учение Христа, я должен буду изобрести свое собственное учение, использующее термины и образы идеологии нашего общества» [5, с. 80-81]. Уже само название книги «Иди на Голгофу» указывает на евангельский архетип, положенный в основание мышления о жизни в философии А.А. Зиновьева. Его вариант «экзистенциализма без Бога», вместе с тем, нельзя назвать атеистическим: мысль о Боге в нем постоянно присутствует. Но это присутствие не такое, как у религиозных мыслителей – Бог не воспринимается А.А. Зиновьевым как Исток бытия и его смыслов, но скорее, как некий изначальный образец личности, с которым каждый должен соотносить себя. Такой приземленный образ Бога является естественным для человека, получившего атеистическое образование, но еще помнящего своих православных предков, которые также всегда были для него личностным образцом, особенно мать. Это

указывает и на глубокую историческую христианизацию русского народного характера, если даже в условиях атеизма он продолжает воспроизводить православную ментальность.

А.А. Зиновьев даже иногда сознательно сопоставляет своего литературного героя со Христом. Так, в главке «Я и Христос» он противопоставляет свои жизненные принципы евангельским заповедям. Но если внимательнее проанализировать это противопоставление, то становится понятно, что оно является иллюзорным, поскольку речь идет вообще о разных реальностях. Например: «– Не здоровые имеют нужду во враче, но больные, – говорит Он. – Здоровые нуждаются во враче в первую очередь, – говорю я» [5, с. 84]. Если Христос говорит о «больных» в смысле греховных людях, нуждающихся в покаянии и искуплении, то герой А.А. Зиновьева этих же самых людей называет «здоровыми» – в смысле самодовольными и не способными к изменению. Тем самым, здесь евангельский и светский «языки» настолько далеки друг от друга, что одно и то же явление именуют прямо противоположным образом. В результате этого оказывается, что большинство принципов «зиновьиоги» по смыслу близки или даже тождественны евангельским заповедям, но из-за того что они выражены светским языком с иной семантикой, кажутся противоположными.

В философии А.А. Зиновьева присутствует и другой важнейший «родовой» признак экзистенциализма – тема неизбежного одиночества человека в мире. Вот его признание в книге «Иди на Голгофу»: «Ты живешь, непонятый другими, и умрешь непонятым. Это – общий закон. Только тот, кто не претендует на некое объективное понимание своего поведения другими, живет достойно человека» [5, с. 138]. А в книге «Жёлтый дом» есть рассуждение о том, почему так происходит, в чем причина экзистенциального одиночества: «– Но жизнь человеческая идет не столько вовне, сколько в себе. Ты это сам прекрасно знаешь. Оглянись и удивись жизни! – Не могу. – Но почему? – Потому, что я и есть живое человеческое отношение, отношение как таковое. И ничего другого во мне нет. – Тогда тебе никто и ничто не сможет помочь. – Я знаю» [3, с. 385]. Человек как «живое человеческое отношение» – представление, явно близкое марксизму («человек есть ансамбль человеческих отношений»), однако у А.А. Зиновьева эта формулировка –

вовсе не пересказ догмы, а результат особого личностного опыта и мироощущения.

В чем суть этого мироощущения он хорошо разъяснил еще в книге «Зияющие высоты» в своем рассуждении о понятии *судьбы*: «В судьбу попадают события в жизни человека, наступление или ненаступление которых зависит исключительно от свободной воли других людей. Люди сами определяют судьбу друг друга. Так что в судьбу человека входят происходящие с ним события, наступление которых целиком и полностью зависело от свободной воли других людей. Поскольку человек живет в окружении множества людей и практически невозможно установить, какие именно поступки людей в отношении к нему были продуктом свободной воли и каких именно людей, он воспринимает свою судьбу как ничем не детерминированную, но не случайную генеральную линию своей жизни. Иначе к судьбе относиться невозможно практически. Так что даже в нашем обществе, в котором головы людей битком набиты научностью, проблема судьбы человека оказывается в конце концов проблемой нравственного отношения человека к любому другому человеку» [4, с. 130-131]. Само выражение «нравственное отношение человека к любому другому человеку» здесь имеет уже нетривиальный смысл, поскольку сказано, что судьба человека «зависит исключительно от свободной воли других людей», а судьба этих людей, соответственно, также зависит от моей свободной воли. Тем самым, понятие нравственности здесь имеет не столько этический, сколько «судьбический», т.е. экзистенциальный смысл. Судьба – это не только то, что случается со мной, сколько то, что связывает меня со всеми другими людьми и определяется именно этой связью. Из этого объективного понятия судьбы уже вытекают и нравственные требования к себе как некие предписания, как следует жить. В книгах А.А. Зиновьева много таких предписаний, но суть их не сводится к определению того, что «хорошо» и что «плохо», а связана с изначальной экзистенциальной установкой.

Суть этой установки состоит в том, что человек, строя свою личность, тем самым, помогает и другим строить свои личности – и помогая в практических делах, и просто выступая в качестве примера в определенных поступках. Такая установка у А.А. Зиновьева имеет светский характер, без каких-либо отсылок к религиозным понятиям.

Однако в ней легко усмотреть и определенный архетип христианского сознания, выраженный, например, в известных словах св. Серафима Саровского: «Стяжи дух мирен, и тогда тысяча душ спасется около тебя». Для аналогии можно вспомнить знаменитый категорический императив И. Канта, в формулировке которого полностью отсутствуют какие-либо религиозные элементы, однако по своему смыслу он является фактической «калькой» заповеди «будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5:46). В рамках русской традиции это понимание судьбы как совокупности нравственных связей (свободных поступков) разных людей у А.А. Зиновьева весьма близко поучению старца Зосимы в «Братьях Карамазовых»: «чуть только сделаешь себя за все и всех ответчиком искренно, то тотчас же увидишь, что оно есть в самом деле и что ты-то и есть за всех и за вся виноват. А скидывая свою лень и свое бессилие на людей, кончишь тем, что гордости сатанинской приобщишься» [2, с. 406]. А.А. Зиновьев не согласился бы с тем, чтобы «сделать себя за все и всех ответчиком, но общий принцип взаимоотношений между людьми он сформулировал очень близкий тому, о котором говорит и герой Достоевского. Разница лишь в том, что герой Достоевского мыслит в рамках аутентичной религиозной традиции, а у А.А. Зиновьева от неё осталась только форма, «впечатанная» в национальный характер. Это та особая форма личностного сознания, которая была выражена А.С. Хомяковым в категории «соборность».

Экзистенциализм А.А. Зиновьева может выражаться как в яркой художественно-исповедальной форме, так и в форме строгого научного дискурса. Герой книги «Зияющие высоты» говорит: «Я ученый, хотя это и звучит у нас смешно» [4, с. 237]. Это тоже личное признание автора. Примером строго научного экзистенциального анализа сознания является следующая формулировка из книги «Жёлтый дом»: «Я различаю состояния религиозности и состояния идеологичности. Первое из них характеризуется понятием веры, второе – признанием или принятием. Можно находиться в состоянии веры, не находясь в состоянии признания, и наоборот. Можно верить, не признавая, и признавать, не веря. Последнее очевидно. Мы, например, т. е. миллионы советских граждан, признаем «научный коммунизм», не веря в то, что на самом деле когда-то осуществится райское блаженство на земле, декларируемое им. Труднее с примерами для первого. Но и они есть. Я знал сотни

людей, которые испытывали состояние веры в Бога и бессмертие души, не признавая никакого Бога и никакого бессмертия. Во время войны была буквально вспышка веры среди фронтовиков. Сейчас тяга к вере в среде интеллигенции не подлежит сомнению. Я беседовал со многими, они не признают всего того, во что верят. Поразительно, они не осознают и даже не могут сформулировать отчетливо, во что же именно они верят» [3, с. 386]. А.А. Зиновьев вообще очень зорко усматривает скрытые парадоксы человеческого сознания. Например: «Человек, говорящий правду, не всегда искренен. И человек, говорящий ложь, может быть вполне искренним. Искренность есть душевное состояние, к ней неприменимы понятия истины и лжи» [5, с. 81]. Собственно, аналитическая часть экзистенциализма А.А. Зиновьева – это анализ парадоксов сознания. Исток этих парадоксов он усматривает в первую очередь в том, что человек привыкает жить по законам социального «автоматизма», но его сознание в эти законы не «вмещается» и живет по своим, каким-то иным законам, непонятным самому человеку. Это тоже четкий экзистенциалистский тезис: сознание неподконтрольно человеку и рождает новый опыт.

Проблема идеологии у А.А. Зиновьева – это также в первую очередь не политическая, а экзистенциальная проблема. Он писал: «подобно тому, как люди жаждут улучшения жилищ, одежды, питания, развлечений, они также жаждут и более легких и удобных форм идеологического гнета, не унижающего их достоинства и самомнения и даже доставляющего некоторое удовлетворение. Идеология есть камера, в которую заключен человеческий дух. Но эта камера может быть построена так, что человек не будет себя чувствовать заключенным. Ему это нужно хотя бы потому, что он не совершал никаких идеологических преступлений, – он готов признать все, что угодно, но предпочел бы признать нечто, отвечающее его самосознанию «человека конца двадцатого века»» [3, с. 388]. Идеология – это не столько результат внешнего навязывания «ложного сознания», сколько «защитная оболочка человека», результат его слабости и несвободы. Если лишить человека одной идеологии, он непременно найдет себе другую чтобы чувствовать себя защищенным.

Чем это обусловлено? Представление о человеке у А.А. Зиновьева, хотя и не является христианским, по своей структуре близко

христианскому. И не только на уровне высшего нравственного императива (стань личностью и «иди на Голгофу»), но и на уровне его изначального состояния. Если в христианской антропологии человек изначально поврежден Первородным грехом, то у А.А. Зиновьева человек также изначально существо слабое, глупое и порабощенное. Для того чтобы выйти из этого состояния, нужно усилие свободы, но на свободу человек тоже изначально не способен. Положение человека подобно ситуации Мюнхгаузена, вытаскивающего себя за волосы из болота. В одной из его формулировок это выглядит так: «Стремление к удовольствиям (к наслаждению) есть характерная болезнь нашего времени. Она подобна алкоголизму и наркомании. Если человек встал на этот путь и прошел по нему хотя бы небольшой отрезок, излечить его практически уже невозможно. Причем, в наше время это стремление принимает уродливые, извращенные формы... Единственное средство для этого, если исключить борьбу за жизненные блага как цель жизни, – развить религиозное отношение к реальности, развить духовный мир и культуру духовного общения. Верно, что человек стремится к счастью. Нет счастья без способности к самоограничению и без самоконтроля. Счастье есть плата за самоограничение, есть результат самоконтроля. Ограничивая и сдерживая себя в обычном житейском разрезе бытия, ты поворачиваешь свое «я» в иной разрез, в котором лишь можешь испытать счастье. Без этого возможна лишь мимолетная и кратковременная иллюзия счастья. Удовлетворение есть результат победы над обстоятельствами. Счастье же есть результат победы над самим собой» [5, с. 136-137]. Приведенные тезисы А.А. Зиновьева очень близки и классическому экзистенциализму, и древнему стоицизму.

Экзистенциальная проблематика составляет не только важную часть философии А.А. Зиновьева, но и является её смысловым мировоззренческим «ядром». Она интересна и сама по себе – как выражение его личного опыта и «духовной ситуации» его времени, и своими культурными коннотациями. Из этих коннотаций достаточно явно просматривается большое количество аллюзий на христианское учение (даже в случаях прямой полемики с ним). Это весьма показательно, поскольку свидетельствует о метальном «коде» русской культуры.

Список литературы

1. Гусейнов, А. А. Учение о житии Александра Зиновьева. Александр Александрович Зиновьев / А.А. Гусейнов ; под. ред. А. А. Гусейнова. – Москва : РОССПЭН, 2009. – С. 337-358.
2. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы. Ч. 1-2 / Ф. М. Достоевский. – Москва : Правда, 1991. – 416 с.
3. Зиновьев, А. А. Жёлтый дом / А. А. Зиновьев. – Lausanne: L'Age d'Homme, 1980. – 390 с.
4. Зиновьев, А. А. Зияющие высоты. В 2-х кн. Кн. 1 / А. А. Зиновьев. – Москва : ПИК, 1990. – 320 с.
5. Зиновьев, А. А. Иди на Голгофу / А. А. Зиновьев. – Lausanne: L'Age d'Homme, 1985. – 182 с.
6. Соловьев, Э. Ю. Экзистенциализм (историко-критический очерк) / Э. Ю. Соловьев // Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас. – Москва : Политиздат, 1991. – С. 286-345.

A.A. ZINOVIEV AS AN EXISTENTIALIST

V.I. Darenskiy

Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, LPR
e-mail: darenskiy1972@rambler.ru

The article examines aspects of A.A. Zinoviev's philosophical thinking that make him related to existentialism: man as a project, the primacy of existence in relation to the essence; the imperative of becoming a person; sociality as a sphere of alienated being; the inescapable loneliness of man; God as Another and as the original model of personal being. The stylistic specificity of A.A. Zinoviev's existential philosophizing and its Christian archetypes are highlighted.

Keywords: A.A. Zinoviev, existentialism, personality, freedom, fate.
